

«ПАМЯТЬ ВЕЧНАЯ ВАМ, БРАТЬЯ!»

Владимир Федоров

На бородинской земле В.А. Жуковский побывал дважды: в 1812 году в качестве офицера-ополченца и на освящении памятника в 1839 году.

Встречи с Бородином были кратковременными, но впечатления оставили сильные. Они отразились в двух песнях (так поэт определил жанр своих произведений): «Певец во стане русских воинов» и «Бородинская годовщина», названная им «новой бородинской песней». Бородино отозвалось в письмах Жуковского к цесаревичу и великой княгине Марии Николаевне, а также в ходатайстве поэта о судьбе некоторых участников битвы.

Начало войны застало Жуковского под Орлом. В Москве сформировалось ополчение и поэт решил вступить в него. Намерение Жуковского одобрил его друг, музыкант Александр Плещеев. 27 июля 1812 года он писал Жуковскому с большим воодушевлением: «И подлинно ты хорошо задумал! Надо служить отечеству. Я видел и мундир московского ополчения!.. Славный мундир! Какие киверы! С мехом! право, с мехом! и в меху вензель. Славные киверы!..» Плещеев напомнил поэту слова из французского романа: «Вы покидаете нас ради похода за славой». Доверительное отношение к Жуковскому, мечта о подвиге выразились и в письме 12-летнего сына Плещеева: «Милый мой друг! Скучно без вас, мне беспокойно, если вы в армии. Я бы хотел, когда вы приедете туда, чтоб за вашу храбрость получить чин капитана, хорошо бы было, если бы вы убили французского императора».

29 июля началось формирование 1-го пехотного полка милиции. В ополчение записывали от 15-летних мальчиков до 72-летних

В.А. Жуковский.
Гравюра А. Флорова
по рисунку П. Соколова. 1817 г.

старцев. Здесь оказался и 29-летний поручик Жуковский. 9 августа командиром полка был утвержден предводитель дворянства Белёвского уезда Тульской губернии полковник Николай Петрович Свечин, женатый на М.Н. Вельяминовой, племяннице Жуковского.

17 августа полк вышел из Москвы к Можайску, у которого 19 августа М.И. Кутузов решил «для спасения Москвы отделиться на произвол сражения». Н.М. Карамзин в этот день «благословил Жуковского на брань» и поэт догонял свой полк.

В Бородинской битве этот полк в составе отряда

генерала Н.А. Тучкова располагался на левом фланге русской армии, у Старой Смоленской дороги, западнее деревни Утицы. Биографы Жуковского отмечали, что 1-й полк милиции был в резерве. Но архивные документы опровергают такое утверждение. В одном из них сообщается, что ополченцы под командой Свечина «несколько раз ходили в штыки против французских колонн». Конечно, весь полк в атаки не ходил. Может быть, несколько сотен. Большая часть в бою не участвовала, в том числе и Жуковский. «Ты, наш баллажник, — писал ему К.Н. Батюшков, — чудес наделал если не шпагою, то лирой. Ты на поле Бородинском pro patria подставил одну из лучших голов на севере и доброе прекрасное сердце. Слава Богу! Пули мимо пролетели: сам Феб тебя спас». Не послал Жуковского под пули равнодушный к поэзии Свечин, «Белёвский Молиер», как назвал его П.А. Вяземский. Под пером Жуковского пережитое на Бородинском поле стало прозой высокой художественной пробы (в письме к великой княгине Марии Николаевне). Что-то роковое видится «в этом всеобщем молчании, в этом глубоком темном небе, которого все звезды были видны

и которое так мирно распростиралось над двумя армиями, где столь многие обречены были на другой день погибнуть...» В финальных словах «армия тронулась и в глубоком молчании пошла к Москве, покрытая темною ночью...», выражена несломленная русская сила.

На пути к Москве Жуковский, как и другие ополченцы, испытал несносную жару, нехватку воды, возбуждение и смертельную усталость. Он заболел дизентерией. О неблагоприятном положении поэта узнал под Тарутином, в лагере ополчения, штабс-капитан И.Н.Скобелев, исполнявший должность квартирьера Главной квартиры. Он предложил Жуковскому свои услуги, поручая иногда писать ответы на «затруднительные бумаги» из Главной квартиры. Истинный автор (Жуковский) обстоятельных писем обнаружился в конце кампании.

Поэт сохранил силу воли, способность к творчеству. Героический порыв не ослабевал. Под Тарутином создавалась песня, получившая название «Кубок война», а позднее — «Певец во стане русских воинов».

Реальным стержнем песни явилось пребывание поэта среди воинов во время Бородинской битвы. Певец в песне провозглашает тосты. На каждый из них хор воинов отвечает четверостишием. Некоторые исследователи правомерно называли песню кантатой. В ней звучит торжество победы, уверенность в изгнании врага. Кантата возбуждала воинский

дух. В ней есть элементы таинственности (оссианические образы — тени предков, тени павших). В образах Жуковского слиты античные и древнерусские воины, средневековые рыцари. Эта стилистика (атрибуты вооружения — кольчуги, щиты, мечи, стрелы) входила в общий контекст искусства той эпохи. Достаточно вспомнить композиции древнерусских и античных воинов в медальонах Ф.П.Толстого. Избранная Жуковским поэтическая форма дала возможность соединить идеальных героев многовековой истории России с героями 1812 года.

Во вступлении певец рисует осененный луной лагерь и предлагает воинам тост «чадам древних лет», «чадам прежних лет»: Святославу, Дмитрию Донскому, Петру I и Суворову, тени которых мчатся в высоте над шатрами. Второй кубок — за отчизну:

Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные...
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Эту часть кантаты высоко оценил Б.К.Зайцев: «О родине сказано навсегда, и с детства запало всем». В элегических стихах выразились личные чувства автора к малой родине — Мишенскому, Муратову, где «девы — прелесть на-

Вид на Батарею Раевского

ших дней». Каждый воин находил в строках что-то свое, знакомое. В завершающих словах тоста выражен призыв к схватке с врагом:

За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы...

Третий кубок — за русского царя. В нем кратко выражена клятва верности и любви к нему.

Четвертый тост посвящен действующим ратным и вождям, прославлению их подвигов. В этой части песни Жуковского во многом сохранились стилиевые черты героической оды. Основой 16 строф стало перечисление имен русских военачальников с торжественными краткими характеристиками. Такая стиховая структура ранее в русской поэзии не встречалась. Имя Кутузова не названо, но читатель угадывал идеализированный образ полководца, «героя под сединами», «с израненным челом». Поэт не называет его спасителем Отечества, стремясь внушить воинам «доверенность к герою», Жуковский включил легенду о появлении над головой Кутузова парящего орла — вестника победы. Более того, поэт прямо призывал к доверенности.

Далее в песне — хвала сподвижникам-вождям, среди которых другие участники Бородинской битвы: «Ермолов, витязь юный», «Раевский, слава наших дней», Милорадович; «Коновницын смелый... славян любовь», которому «ничто мечи и стрелы»; «отважный Воронцов». Позднее поэт посвятил ему две строфы, показав ранение генерала в условной романтической форме:

Наш твердый Воронцов, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась...

Характеристике Платова отводится строфа. Атаман выступает как символ казачьего войска, особой легкой кавалерии, которая наносит противнику неожиданные удары, устраивает засады. Казаки были непредсказуемы, как и природная стихия. Не случайно Платов назван «Вихорь-атаманом». В мифологии славян Вихорь — свирепый бог бурь и непогод. Носясь по небесам, сопровождаемый свитой бурь и ураганов, он распространял вокруг свист и шум. Ничто не могло устоять перед его натиском. У Жуковского о Платове: «Летаешь страхом в тыл врагам, бедой им в уши свищешь...» В строфе слышатся не только мифологические, но и литературные реминисценции — отзвуки «Слова о полку Игореве» («Орлом шумишь по облакам, // По полю волком рыщешь...») и поэзии Г.Р. Державина.

Позднее список героев Бородина, которым воздается хвала, пополнился. Появились: «Остерман — герой, в час битвы ратник сме-

лый!», «Дохтуров, гроза врагов, // К победе вождь надежный!», «смелый Строганов».

Пятый, «кипящий», кубок — за павших военачальников. Особое сочувствие Жуковского вызывает «вождь молодой» Кутайсов. Ему поэт посвятил две строфы. Этого оказалось недостаточно, и Жуковский обратился к прозе. В примечании к журнальному варианту он писал: «Никто в армии не может говорить без восхищения и горести о Кутайсове. Он был не только храбрый генерал, но и весьма ученый человек: любил словесность и сам прекрасно писал стихи, имел приятный ум и редкое добродушие. После бородинского сражения увидел его лошадь, покрытую кровью, бегающую без седока, и долго не могли отыскать его тела». Реальное (лошадь Кутайсова с окровавленными чепраком и седлом — свидетельство смерти героя) выразилось в таких стихах романтика:

О горе! верный конь бежит
Окровавлен из боя;
На нем его разбитый щит...
И нет на нем героя.

Поэтическое воображение Жуковского выходит на знакомую ему лирическую тропу: прекрасная пэри в слезах будет искать прах милого там, где «чище ранняя роса», где «зелень ароматней». Тихий дух героя прилетит и невидимо даст знать о себе чуткому сердцу возлюбленной. Мемуарист Ф.Ф. Вигель живо откликнулся на строфы, увековечившие Кутайсова: «Спасибо Жуковскому, что он в прекрасных стихах сохранил память о столь прекрасном существовании: без него простыл бы и след такого диковинного человека».

В финале тоста выражена тревога о ранении в Бородинской битве Багратиона, надежда дружин на его выздоровление и скорбь по поводу смерти полководца, воспарившего «в область храбрых», к Суворову.

После тоста жертвам следующий посвящен мщенью. Противника олицетворял Наполеон, названный «врагом», «злодеем», «хищником», «пришлецом».

Седьмой и восьмой кубки провозглашают дружбу и любовь. «Ведь ты знаешь, что такое друг, — писал Жуковский в 1813 году А.И. Тургеневу:

Он наша совесть! Он для нас
Второе провиденье!

И я это писал, думая о тебе».

Два следующих кубка певец предлагал музам и богу сил. Последний — прощанию. В «Певце во стане русских воинов» критик А.В. Никитенко видел все живейшие струны человеческой жизни. В том числе и месть, которая не стала лейтмотивом.

Битва под Москвой 26 августа 1812 года.
Литография по рисунку А.Адама. 1830-е гг.

Жуковский был великим ходатаем за судьбы многих людей. Свое милосердие он распространил и на плененного в Бородинской битве бригадного генерала Ш.Бонами. Однажды поэт узнал, что исколотого штыками француза власти намеревались переслать из Орла в Казань. Бонами написал просьбу к военному министру и министру полиции — оставить его в Орле до поправления раны. В письме к Тургеневу Жуковский просил, чтобы друг выхлопотал благоприятный ответ, подчеркивая ум, храбрость и благородство генерала.

«Певец во стане...» дал Жуковскому славу и открыл путь к трону», — писал Б.К. Зайцев. Поэт был приглашен чтецом к императрице Марии Федоровне, затем стал учителем русской словесности у великой княгини Александры Федоровны и, наконец, наставником престолонаследника.

И вот спустя 27 лет после битвы Жуковский опять на Бородинском поле. Накануне открытия монумента его взгляд схватывал панораму поля битвы: там, где гремели батареи, на холмах переливалась жатва. Поэт побывал в центре позиции армии Багратиона. Время сохранило лишь признаки укреплений, где Воронцов потерял почти всех своих людей, где погиб генерал А.А.Тучков. Остатки флешки явились лишь «подножием церкви, построенной вдовою Тучкова» — Маргаритой Михайловной. В этом месте письма поэта издатель «Русского архива» П.И.Бартенев заметил, что своего сына Николеньку М.М.Тучкова «воспитывала в Дерпте, где близко знала Жуков-

ского, и, уверяют, надеялась вступить с ним в третий брак. Схоронив сына своего, поступила она в монашество».

26 августа 1839 года Жуковский был на открытии и освящении памятника, имевшего, как отмечал митрополит Филарет, «христианский характер: на нем образ Спасителя, род главы и крест», поэтому молитва с коленопреклонением была необходимой частью этого торжества. Николай I давал войску праздник в честь годовщины Бородина и 25-летия вступления русских войск в Париж. Жуковский поэтически описал освящение памятника: появление государя и грянувшее повсеместное «ура», тишину во время крестного хода к монументу, молитву и пение у подножия монумента, команду императора «смирно!» и возгласение первосвященником императору Александру I вечной памяти, орудийный салют и торжественное «ура» армии, благодарственный молебен и коленопреклонение войск, окропление памятника святой водой...

На другой день Жуковский уехал в Москву, а 29 августа послал в Бородино наследнику печатный экземпляр «новой песни» и письмо, пронизанное горестью за судьбу ветеранов войны, «израненных, безруких и безногих, иных покрытых лохмотьями бедности, бородинских инвалидов... Принаюсь вам, — писал наставник цесаревича, — мне было жестоко больно, что ни одного из этих главных героев дня я после не встретил за нашим обедом». Жуковский предлагал включить оставшихся раненых и немощных в число тех, кто

должен получать жалование, которое получили они в «эпоху Бородина».

Зная, что письмом прочитает император, Жуковский взывал к милосердию и царской признательности в день бородинского праздника: «В Бородине дрался Коновницын, а Коновницын был честью русского войска». Наставник цесаревича призывал откликнуться на просьбу дочери Коновницына и простить ее мужа М.М.Нарышкина.

В это же время о полном прощении любимого брата, бывшего полковника Тарутинского пехотного полка, декабриста Михаила Михайловича Нарышкина, обратилась к Николаю I и инокиня Спасо-Бородинского монастыря Мелания (в миру — М.М.Тучкова). Император обещал подумать. Через четыре года унтер-офицер Нарышкин за отличие был произведен в прапорщики, а в сентябре 1844 года уволен от службы с обязательством безвыездно жить в Тульском селе Высоком, имении его жены Елизаветы Петровны, бывшей фрейлины императрицы Александры Федоровны.

В письме к цесаревичу Жуковский выявил план-композицию своей «новой бородинской песни»: «Я хотел описать и то, что видел прежде, и то, что видел теперь, и притом упомянуть о случившемся в промежутках Бородинской битвы и Бородинской годовщины». В этом произведении поэт четко определил народный характер сражения при Бородине, где «Войско целое легло // И престол и Русь спасло». Своим перечислительным принципом «Бородинская годовщина» восходит к «Певцу во стане русских воинов».

Но если «Певец во стане...» — героико-романтическая поэма, то «новая бородинская песня» — реквием. В нем Жуковский отмечал важнейшие события внутренней и внешней политики России, которые совершились между 26 августа 1812 года и 26 августа 1839 года. Автор называл тех полководцев, которые ушли из жизни. Отсюда — многократное повторение слова «где?» в связи с именами Кутузова, Коновницына, Раевского, Дохтурова, Милорадовича, Вихря-Атамана. Вероятно, под влиянием пушкинского «Полковода» Жуковский впервые включил в свой поэтический список Барклая-де-Толли. В скорбном списке поэта — Александр I. Не забыт и Наполеон.

Из «певцов — сотрудников вождам» особое внимание обращено к Давыдову. В первой песне он — «певец вина, любви и славы». Во второй — инициатор перезахоронения праха Багратиона. Смерть Давыдова помешала возглавить ему почетный конвой во время препровождения останков Багратиона в Бородино. Почетную миссию накануне бородинского праздника исполнил полковник Киевского гу-

сарского полка Кенский. С 1839 года рядом с монументом «Защитникам Отечества 1812 года» покоится в склепе прах Багратиона. Этот факт поэт выразил неожиданными словами:

И опять он здесь, одет
В гробе дивною броней,
Бородинскою землею...

Инициативе Давыдова не был бы дан ход без его одобрения Николаем I. Как не было бы и «пира поминовения», на которое было собрано огромное войско «новым славным уж царем». Славу Николаю I принесли победоносные русско-иранская и русско-турецкая войны, эпизоды которых упомянуты Жуковским.

Царь продемонстрировал силу и волю, когда в 1831 году, в день Бородина, русские войска штурмом взяли Варшаву, что также отметил поэт. Впрочем, в свое время на известие о взятии Варшавы Жуковский откликнулся «Старой песней на новый лад», которая напоминала о славных победах русских войск:

С Богом! Час ударил рока,
Час, ожидаемый давно,
Сбор гремит — а издалека
Русь кричит: Бородино.

Напоминанием о воинской славе стала и реконструкция битвы на Бородинском поле, проведенная 29 августа 1839 года. Она закрепляла патриотические традиции поколения, как и «прекрасный, сильный», по выражению Жуковского, Высочайший приказ войскам, несколько цитат из которого взято поэтом в финале «Бородинской годовщины»:

Память вечная вам, братья!
Рать младая к вам объятья
Простирает вглубь земли;
Нашу Русь вы нам спасли;
В свой черед мы вас помянем,
Если царь велит отдать
Жизнь за общую нам мать.

Таким образом, Жуковский написал поэтический диптих: песню «Певец во стане русских воинов», в которой, по выражению Ф.Н.Глинки, отразилась высокая поэзия Бородинского поля, и «Бородинскую годовщину» — поэтический документ 30-х годов XIX века — апогея самодержавия. То были кантата и реквием, героическая и скорбная песни. Несмотря на различие в тональности, в диптихе прослеживается структурное и тематическое единство. Эти песни — итог ярких жизненных впечатлений. В них ощущается общность индивидуальной судьбы с исторической судьбой России. Диптих Жуковского отражает преемственность государственности и героических традиций русского народа. А это актуальные вопросы нашего времени.